

6. Кирдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 6. – С. 36–45.
7. Макеев С.А. Социальные институты: классические трактовки и современные подходы к изучению // *Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства. Наукові доповіді і повідомлення III Всеукраїнської конференції / Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України. За ред. М.О. Шульги, В.М. Ворони*. – К., 2003. – 597 с. – С. 16–22.
8. Момджян К.Х. Социум. Общество. История. – М.: Наука, 1994. – 239 с.

Бекирова Л.С.

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Целью предлагаемой публикации является рассмотрение понятия «традиционализм» в современной философской культуре. Необходимо различать традиционализм как особый тип мировоззрения дописьменных и идеология традиционных (доиндустриальных или, если использовать марксистскую терминологию, докапиталистических) обществ, состоящая в идеализации и абсолютизации традиции и традиционализм как философская доктрина.

Традиционализм как особый тип мировоззрения появился в условиях относительной стабильности общества. На начальном этапе общественного развития всюду проявляется традиционализм, священность традиции, исключительная ориентация на такие действия и способы ведения хозяйства, которые были приняты от праотцов... Неспокойство, и вообще нежелание, свернуть с привычных путей – главный мотив сохранения традиции. Если даже социальный порядок испытывал серьезную угрозу, его спасение привычным к нему людям, казалось вполне возможным путем возврата к «вечным» принципам.

«На платформе *sacrum*, – пишет Альберт Ласной, – примитивный человек старается достичь полной тождественности со своими предшественниками. В ходе церемонии посвящения или смирения он наследует жесты, продиктованные ему традицией не только для того, чтобы достичь таких же, как они результатов, но для того, чтобы перед лицом враждебных сил быть столь же сильным, как они, и устранить дистанцию времени, отделяющую его от предшественников. Перед угрозой погружения в хаос общество постоянно должно повторять изначальный порядок вещей. Первый жест должен быть сделан вновь, первая минута должна быть пережита еще раз со всей точностью. Давние слова должны быть заново сказаны с той же интонацией, старый миф вновь должен быть рассказан так, чтобы все его поняли» [цит. по: 6, с.374]. Такое мировоззрение было характерно для всех типов традиционного общества. Перед ними не стояло осознания проблемы сохранения наследия, т.к. «оно отождествлялось с традицией, а та в свою очередь, с обрядом и ритуалом, неизменность которых "«гарантирована» мифологическими парадигмами периодического возвращения правремени, вследствие чего и происходит восстановление изначального порядка» [2, с.786].

Некоторые общества и по сей день продолжают быть традиционными. Примером может служить современная Япония. Обрядности японца приучают с раннего детства в семье. Такое воспитание приносит неплохие результаты. Когда Япония после долгой самоизоляции начала впитывать научные и технические достижения Запада, во второй половине XIX в. в японском обществе, как утверждает В.Цветов, появился девиз «вакон есай», который для них свят и по сей день. В основе этого девиза лежит следующая идея: «взять новейшие знания, выработанные иностранцами, но не позволить им пошатнуть основы японского образа мышления» [5, с.34].

В XIX веке, когда уже, казалось бы, полностью победила идея модернизма, прогресса, взятия собственной истории в собственные руки и т.п., произошел следующий всплеск специфического интереса к проблеме традиции. Он был связан с реакцией романтизма на соответствующую ему современность. Романтизм был подготовлен усилиями самых разных людей, таких как «проклятые» поэты Франции – Бодлер, Рембо, таких как экзистенциалисты – Ф.Ницше, М.Ф.Достоевский и др. В более широком философском контексте проблему «переоценки ценностей» ставит немецкий философ Ф.Ницше (1844–1900). Ницше в своей книге «Воля к власти» [3]. Утверждает, что рухнула вера в категории разума, оказавшаяся принадлежностью «чисто вымышленного мира», рухнула вера в человека, ставшего «главным промахом Бога», обрушилась вся система традиционных ценностей, выявив свою «нигилистичность» т.е. безжизненность, ушла вера в прогресс, как в автоматическую устремленность мира вперед, в нечто, и вот наступает сознание, что становлением ничего не достигается, ничего не обретается; разрушена вера в Бога, «как не заслуживающая доверия» («Бог умер, это мы его умертвили»). И что же в результате? «Мы распались на мелкие куски», близится «конечная катастрофа», потеряны все жизненные основания, утрачены все смыслы. Чтобы преодолеть подобную ситуацию, Ницше полагает, что, необходимо заняв позицию «по ту сторону добра и зла», противостоять действительности, толпе, устало му декаданству. Переживаемый культурный упадок Ницше связывал с господством христианской религии и основанной на ней морали. В дальнейшем в философии наблюдается неоромантическая реакция, которая поставила вопрос о том, что же такое социум вообще. В результате, началась переоценка ценностей Средних веков, древности и т.д. В это время традиционализм, в отличие от консерватизма конца 18 – начала 19 веков, не только не исключает из своей картины мира социальных изменений, а, наоборот осознает факт, что человек отныне поставлен перед множеством нравственных, социальных, экономических, политических альтернатив, и в связи с этим задача «пророков прошлого» состоит в том, чтобы склонить его к правильному выбору. «Однако, несмотря на декларирование безусловной ценности традиции, романтики объективно способствовали»

ли ее десакрализации: коль скоро традиций много, возникает ситуация выбора лучшей и, соответственно, критики остальных. В этом смысле рефлексивный традиционализм романтиков – характернейший продукт разрушения традиционной культуры” [2, с.787].

На рубеже этого слома, этой неоромантической реакции возникает интеллектуальный феномен – традиционалисты, провозглашающие необходимость вернуться к ценностям докапиталистического общества и подчеркивающие непреходящее значение прежних традиций. В традиционализме XX века выделяются два основных направления оппозиции реалиям современности: есть линия англосаксонская, которая связана с известными оккультистами, теософами, спиритами и линия французская, более интеллектуальная, более рафинированная, которую в XIX веке отмечают такие имена как Фабр д’Оливе, Сент –Ив д’Альвейдер и др.

Англосаксонский подход характеризуется тем, что признает сверхчеловеческое, внечеловеческое знание наряду с экспериментальной наукой, с рационализмом. Французский основан на единстве интеллектуализма и видения единой внечеловеческой системы, в которой человек является замыкающим, наиболее проявленным звеном. Среди интеллектуалов этого направления были Рене Генон, Ю.Эвола, М.Элиаде и др.

Основоположником интегрального традиционализма был известный французский мыслитель Рене –Жан – Мари –Жозеф Генон (1886 –1951). Генон родился в буржуазной семье и воспитывался в католических традициях. В двадцатипятилетнем возрасте принял ислам в шадилитском ордене, вошел в суфийский тарикат, возглавляемый шейхом Элиш Абдель –Рахман эль Кебир, который был одним из самых знаменитых представителей экзотерического и эзотерического ислама в XX веке. «Этот шаг нельзя считать экстравагантной прихотью, «бегством на Восток» в поисках экзотики или легкой наживы... Генон избрал Каир, чтобы окончательно слиться с той средой, которую он считал оплотом «традиционализма», – отмечает Ю.Н.Стефанов [4, с.32].

Всю свою жизнь Генон посвятил борьбе с современным ему миром. В своей книге «Кризис современного мира» (1927) [75], получившей особую популярность среди интеллектуальной элиты Запада, Генон рассматривает основные положения традиционалистской метафизики. Основоположающим принципом подлинной метафизики, по мнению Генона, является принцип Единства Истины. Единой Истиной человечества является Изначальная, Примордиальная Традиция, которая есть сверх –временный синтез всей истины, человеческого мира и человеческого цикла. Р.Генон пишет: «Постепенно истины, ранее доступные всему человечеству, становятся все более сокрытыми и недостижимыми. Число тех, кто ими владеет, со временем уменьшается, и хотя сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости никогда не могут быть утрачены окончательно, они окружают себя непроницаемым покрывалом, таящим их от человеческих глаз и затрудняющим к ним доступ. Именно по этой причине повсюду, хотя и в разных формах, мы встречаемся с одной и той же проблемой: нечто оказалось утраченным, по крайней мере, для внешнего восприятия – нечто такое, что стремящийся к истинному знанию должен отыскать заново» [там же, с.15].

Далее Рене Генон утверждает, что нигде в истории, в религиозных формах, в спектре человеческих идей, совершенный и поступков нет ничего, что отсутствовало бы в Примордиальной Традиции, которая, оставаясь на сущностном уровне всегда сама собой, реализуется в истории поступательно и фрагментарно. Вторичными же, прикладными истинами являются в человеческом обществе традиционные и религиозные формы, не схожие между собой внешне, но внутренне ведущие к одной и той же цели в том случае, если в них путь будет пройден до конца. Следовательно, различие религиозных форм явление негативное, так как, хотя они и представляют собой вторичные истины, чистота Единой истины отныне замутнена. И в самом библейском сюжете негативность такого положения дел запечатлена в повествовании о Вавилонском смещении языков. Забвение Единой Истины происходит только в критические периоды цикла, в «пост –вавилонском» мире, и такое забвение, естественно, уменьшает качество каждой отдельной традиционной формы и религии. В конце концов, дробление Истины доходит до такой степени, что она постепенно превращается в свою противоположность, хотя это касается только ее проявлений, а не ее постоянной сущности. Исторически эта стадия соответствует переходу к миру анти –традиционному, профаническому, дьявольскому, в котором исчезает не только Единая Истина, но и истины вторичные, и такой мир становится миром Лжи. Именно таким миром Лжи, царством количества является современный мир. Однако, как отмечает Генон, «в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях – таковы цивилизации Востока; и с другой откровенно анти –традиционную цивилизацию или цивилизации современного Запада» [там же, с.27]. Центром Примордиальной Традиции является Восток. Под Востоком он подразумевал Дальний Восток сущностью представленный Китайской цивилизацией, Средний Восток – Индуистской, Ближний Восток – Исламской цивилизациями. При этом исламскую цивилизацию необходимо рассматривать как промежуточную между восточной и западной цивилизациями, ибо она имела много общих черт со средневековой христианской цивилизацией Запада.

Особенностью восточных цивилизаций, при всем их многообразии, считается традиционность, т.е., прежде всего, признание некоего высшего Принципа. До тех пор, пока на Западе существовали традиционные цивилизации, не было никаких оснований для его противостояния Востоку. Однако западная цивилизация претерпела существенные изменения и термин «современное сознание» и «западное сознание» стали равнозначными. По своей сути оно означает отрицание традиционной и сверхчеловеческой Истины. «Именно эта всеобщность отрицания придает современному миру совершенно ненормальный характер, делает его воистину чудовищным и понятным только в свете тех соображений относительно конца определенного циклического периода... Индивидуализм можно рассматривать как главную причину настоящего упадка Запада, поскольку он тождественен развитию исключительно низших возможностей человечества, возможностей, не требующих для своей актуализации никакого вмешательства сверх –человеческого элемента и, более того, способных свободно реализовываться лишь при полном отсутствии такого сверх –человеческого элемента и, более того, спо-

собных свободно реализовываться лишь при полном отсутствии такого сверх-человеческого элемента, так как эти низшие возможности суть полная противоположность всякой духовности и всякому подлинному интеллекту» [там же, с.57]. Современная эпоха берет свое начало с XIV века, т.е. с 1350 года, когда между Англией и Францией началась продолжительная война, получившая название «Столетней». За ней наступает в Европе эпоха Реформации в христианской церкви. Эта революция приняла форму протестантизма и была направлена против традиционного мировоззрения, т.е. против католицизма. Идейным вдохновителем этой революции был М.Лютер (1433 –1546), который выступил против претензий католического духовенства контролировать веру и совесть на правах посредника между людьми и богом. Отвергая церковную иерархию и особое священнодействие как путь «к спасению души», это учение рассматривало мирскую деятельность человека как служение богу. Именно в это время, как утверждает Генон, происходит разрыв с Традицией. «Протестантизм открыто отрицает авторитет той организации, которая ответственна за законную интерпретацию религиозной традиции на Западе, а на ее месте стремится утвердить «свободный критицизм», то есть интерпретацию на основании частного суждения нередко даже самой невежественной и некомпетентной личности, и основывающуюся, кроме всего прочего, на заключениях сугубо человеческого рассудка. В этом случае в области религии случилось нечто подобное тому, что произошло в философии после утверждения в ней рационализма. Дверь отныне была открыта для всяких дискуссий, разнотолков и противоречий. И отсюда вполне закономерный результат: возникновение постоянно растущего количества сект, каждая из которых представляет собой не более чем частное мнение тех или иных отдельно взятых индивидуумов. Так как в подобных условиях невозможно было прийти к соглашению относительно основной доктрины, она была оставлена в сторону, и второстепенный аспект религии, то есть мораль, вышел на передний план. Отсюда вырождение до уровня морализма, который столь ощутим в современном протестантизме» [там же, с.62 –63]. В результате мы имеем дело с простой «религиозностью» т.е. смутным и неосмысленным душевным влечением, не основанном ни на каком подлинном знании. Религия для современных людей – это всего лишь обряд или обычай, если не сказать простая рутина. Часто такое отношение сопровождается сознательным отказом от всяких попыток как –то разобраться в сущности самой религии.

Итак, Рене Генон нам предлагает следующую схему, которая является фундаментальной для понимания его идей: Единая Истина – примордиальная Традиция, Вторичные Истины – отдельные религиозные и традиционные формы, и, наконец, Отрицание Истины – современный мир анти-традиции. Причем временная и логическая последовательность в метафизическом видении человеческого цикла (как и любого цикла вообще) такова: вначале – полнота «райского» состояния, затем – долгий период частичных подъемов и падений, и, наконец – полный упадок, «мерзость запустения». Как известно, на этой логике основаны все метафизические и традиционные сакральные доктрины. И сам факт, что теория деградации Бытия в наше время заменена теорией эволюции, свидетельствует о полном отрицании современным миром основ и принципов мировоззрения, свойственного всем традициям и религиям без исключения.

Все же оптимистически настроенный Генон предлагает Западу вернуться к своей собственной традиции и тогда его противостояние Востоку «немедленно будет устранено уже благодаря самому этому факту, так как корни этого противостояния следует искать только в извращении Запада, и само оно сводится лишь к логической противоположности традиционного и анти-традиционного мировоззрений» [там же, с.34]. Для этого необходимо Западу формировать свою интеллектуальную элиту. Этой задаче и посвящена книга Р.Генона «Кризис современного мира», в которой он пишет: «Сегодня на Западе существует гораздо больше, чем обычно принято считать, людей, начинающих понимать, что не достает их цивилизации. ... Западная элита должна организовать по инициативе самого Запада, и в этом состоит главная трудность. Эта инициатива может развиваться двояким образом: либо Запад найдет в самом себе средства для прямого возврата к собственной традиции, как бы мгновенно пробудив свои скрытые возможности, либо определенные западные люди осуществят эту деятельность по реставрации традиции с помощью знаний, почерпнутых из восточных доктрин» [там же, с.107]. Генон полагает, что единственной организацией сохранившей традиционный характер на Западе является католическая церковь. «Для того чтобы церковь стала действительным центром создания интеллектуальной элиты, достаточно было бы, ничего не меняя в ее внешней религиозной форме, вернуть ее доктрине ее глубокий смысл, который был свойственен ей изначально, но который не осознается более современными представителями Церкви. Кроме того, следовало бы всемерно подчеркивать сущностное единство Христианства с другими аутентичными формами Традиции» [там же, с.107 –108]. Надо полагать, что такой радикальный подход в условиях современного мира является не только чисто теоретическим пожеланием. В последнее время в интеллектуальных кругах все чаще стал звучать призыв: «Назад к традициям!»

Аналогичных взглядов придерживался известный румынский ученый, антрополог, историк религии Мирча Элиаде (1907 –1986), который, как известно, подарил европейским интеллектуалам XX века (подготовленным уже к этому открытию на собственно философском уровне идеями Ницше и Шпенглера, а так же расцветом экзистенциальной литературы) миф о Востоке – мире абсолютной духовной свободы и гармонии. В своем паломничестве на Восток и бегстве на Запад Элиаде был и оставался, прежде всего, европейским интеллигентом и ученым, остро переживающим катастрофичность бытия. В своей книге «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение»(1949) [7] мыслитель обвиняет Гегеля в том, что его понятие исторической необходимости оправдало все жестокости, извращения и трагедии истории, а его учение об Абсолютном Духе лишило историю человеческой свободы. Эти идеи в книге сравниваются с учением древнееврейских пророков о событии как воле Яхве. Их сходство доказывается на том основании, что оба учения, по убеждению Элиаде, способствовали разрушению мифа о вечном возвращении. М.Элиаде формулирует тезис о том, что миф являет собой «священную историю» актов миротворения, конструируя тем самым единственную подлинную духовную реальность для первобытного человека. Миф, – по Элиаде, – прототип, образец любых людских обрядов

и «калька» подавляющего большинства видов «профанной» деятельности. Рассказывание мифов есть своеобразный возврат к истокам, к совершенству, в последствие лишь нарушавшемуся многократным отступлением от образцов. Следовательно, миф представляет собой прорыв священного в реальность, т.е. иерофанию. Элиаде, также как и Генон, выражает глубокую уверенность в том, что от ужаса истории современный человек может спастись лишь с помощью идеи бога. «Действительно, только допуская существование бога, он, с одной стороны, достигает свободы (которая ему дает автономность в мире, управляемом законами, или, иначе говоря, «открывает» ему способ быть новым и единственным во Вселенной), а с другой стороны – уверенности, что исторические трагедии имеют трансисторическое значение, даже если это значение не всегда ему ясно в его теперешнем человеческом существовании. Любое другое положение современного человека, в конечном счете, ведет к отчаянию. Отчаянию, вызванному не фактом его существования как человека, а его присутствием в историческом мире, в котором подавляющее большинство человеческих существ живет, терзаемое постоянным ужасом, пусть и не всегда осознаваемым», – утверждает Элиаде [7, с.143–144].

Итак, представители так называемого интегрального традиционализма, в отличие от представителей романтизма, пытались найти фундаментальную основу некой единой для всего человечества традиции, обеспечивающей непрерывность определенного состояния культуры. На место линейной концепции истории и идеи прогресса, они стремились поставить архаическую концепцию циклического времени. Такая трансформация в сознании мыслителей была обусловлена рядом факторов: ускорившийся в XX веке темп истории, сопровождающийся индустриализацией, социальными и национальными конфликтами, выходом на историческую сцену «человека – массы». В своих суждениях им удалось выйти за рамки критики антифеодальных революций и теоретизации проблемы новаций. Традиционалисты поставили перед собой цель выявить онтологические основания любой дискретности («количественности») состояний сферы сущего вообще и культуры в частности.

Нам представляется весьма интересным рассмотрение идей философов –традиционалистов при дальнейшем анализе основных проблем и ведущих тенденций современного мира.

Источники и литература

1. Генон Р. Кризис современного мира. Пер. Н.В.Мелентьевой под ред. А.Г.Дугина. – М.: Историко-религиозная ассоциация «АРК –ТОГЕЯ», 1991. – 160 с.
2. Макаров А.И., Пигалев А.И. Традиционализм //Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: Харвест, 2002. – С.786–788.
3. Ницше Ф. Воля к власти // Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с немец. – Мн.: Харвест, 2003. – 1040 с.
4. Стефанов Ю.Н. Рене Генон и философия традиционализма // Вопросы философии. – 1991. – № 4. – С.31–42.
5. Цветов В. Пятнадцатый камень Сада Рёандзи; Мафия по –японски. – Мн.: Беларусь, 1989. –384 с.
6. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 445 с.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение //Элиаде М. Космос и история. – М.: «Прогресс»,1987. – С.27–145.

Бельский И.С.

УТИЛИТАРНОЕ И ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Осмысление современной цивилизации как цивилизации «техногенной» является далеко не новым этапом в развитии представлений об исторических трансформациях и социокультурных факторах, их обуславливающих. Активная философская и научная разработка комплекса проблем, связанных с техногенной цивилизацией как особым типом социального развития, происходила по разным направлениям со второй половины XX в. и вплоть до сегодняшнего дня. Глобальные проблемы последствий развития техногенной цивилизации рассматривались, например, учёными «Римского клуба», начиная с 1968 г. (А. Печчеи, А. Кинг, Д. Медоуз, М. Месарович, Э. Пестель, Э. Ласло, Б. Гаврилишин и др.). Кроме того, основания для философского анализа происхождения и воспроизводства техногенной цивилизации были заложены ещё во второй половине XIX века в русле философии техники. Здесь следует упомянуть о книге Э. Каппа «Основания философии техники» (1877) и о вышедшей в начале прошлого века книге П. Энгельмейера «Философия техники».

В ряду современных российских философов, разрабатывающих данную проблематику, следует особо выделить В. С. Стёпина, в чьих многочисленных публикациях, посвящённых техногенной цивилизации, проводится детальный анализ её генезиса и форм воспроизводства. Итогом научной и философской разработки проблем техногенной цивилизации можно считать создание целостного представления о ней как об особом типе цивилизации, определяющие характеристики которой радикально отличаются от характеристик традиционных цивилизаций. Среди этих определяющих характеристик можно выделить несколько наиболее существенных.

Для техногенной цивилизации характерно резкое возрастание темпа социальных изменений. Эти изменения носят не экстенсивный характер (как в традиционных цивилизациях), а интенсивный. Социальный порядок в рамках техногенной цивилизации и его изменения замкнуты на самих себе. Это достигается за счёт непрерывного преобразования самих основ социального порядка и столь же непрерывного притока социальных инноваций. В системе ценностей техногенной цивилизации главной, или основной ценностью обладает имен-